

- обеспечивает подготовку и проведение заседания Совета;

- формирует и представляет председателю Совета проект повестки дня заседания Совета и необходимые материалы не позднее чем за 10 дней до начала заседания Совета;

- информирует членов Совета о месте, времени проведения заседания Совета, обеспечивает их необходимыми документами.

23. Член Совета имеет право:

- знакомиться со всеми документами, подготовленными по вопросам повестки заседания Совета;

- письменно излагать особое мнение по результатам изучения информационных материалов.

Член Совета обязан:

- участвовать в заседаниях Совета;

- обеспечивать сохранность материалов, предоставленных для изучения;

- не разглашать сведения, содержащие информацию ограниченного доступа, которые стали ему известны при ознакомлении с информационными материалами;

- осуществлять всесторонний, полный, объективный и комплексный анализ представленных информационных материалов.

Раздел 5.

Обеспечение деятельности Совета

24. Организационно-техническое и информационно-аналитическое обеспечение деятельности Совета осуществляется за счет бюджетов конституционных (уставных) судов Российской Федерации.

25. Расходы, связанные с проведением заседаний Совета, несет принимающая Сторона, а расходы, связанные с участием в заседании, несут члены, которые входят в состав Совета.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2007.
2. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. М., 2011.
3. Судебная система России. М., 2001.

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу

Сергей Борисович Россинский*

В настоящее время наметилась определенная тенденция, направленная на детальный анализ протоколов следственных действий и судебного заседания в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем многие вопросы, касающиеся данной проблематики, практически не исследованы.

И в этой связи мы приходим к выводу о назревшей острой необходимости комплексного

исследования протоколов следственных действий и судебного заседания как доказательств по уголовному делу. Причем начать подобные исследования целесообразно с самого «ядра» рассматриваемой проблемы – с определения и уяснения их сущности.

Итак, уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в качестве одного из видов доказательств предусматривает протоколы следственных действий и судебного заседания¹

* Кандидат юридических наук, доцент, Директор центра по обеспечению деятельности УМО по юридическому образованию, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

¹ Здесь, как и ранее, мы обращаем внимание на некоторую законодательную неточность, допущенную при

(п. 5 ч. 2 ст. 74, ст. 83 УПК РФ). Как известно, это доказательства, сопряженные с непосредственным восприятием дознавателем, следователем или судом сведений, имеющих значения для уголовного дела². Нередко с их помощью удастся установить и обосновать такие обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела, которые не могут быть доказаны иными процессуальными средствами.

Протоколы используются и в досудебном, и в судебном производстве. Однако в процессе предварительного расследования каждое процессуальное действие фиксируется самостоятельным протоколом, а в ходе судебного разбирательства все процессуальные действия – одним общим протоколом судебного заседания.

Что же из себя представляют протоколы следственных действий и судебного заседания в системе средств процессуального познания в настоящее время? Какова их сущность?

Вообще протоколами (от греч. *protokollon* – первый лист манускрипта) в уголовном судопроизводстве РФ принято считать процессуальные акты (документы³), фиксирующие ход и результаты следственных и иных процессуальных действий. Протоколирование процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда – это требование, которое обусловлено исто-

формулировании взаимосвязанных положений п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ в части судебных действий. Так, в первом случае закон говорит о протоколах судебных действий, а во втором – о едином протоколе судебного заседания. Представляется очевидным, что правильна именно вторая формулировка, содержащаяся в ст. 83 УПК РФ, поскольку все действия, происходящие в судебном заседании (за исключением, пожалуй, лишь судебной экспертизы) находят свое отражение в едином процессуальном документе – протоколе судебного заседания. В этой связи мы будем придерживаться именно формулировки «протоколы следственных действий и судебного заседания». А причины, побудившие к появлению отмеченной законодательной неточности, и возможные варианты ее преодоления будут нами рассмотрены в дальнейшем.

² См., например, *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. М.: Высшее образование, 2009. С. 324; *Ульянова Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учебное пособие. М.: Городец, 2008. С. 120; *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юрист, 2009. С. 161.

³ Под документом (от лат. *dokumentum*) следует понимать материальный объект, в котором с помощью знаков, символов и прочих элементов естественного или искусственного языка зафиксированы сведения о каких-либо фактах. Подробнее см., например: *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон-XXI, 2000. – С. 61.

рическими традициями национального судопроизводства и общими принципами континентальной (романо-германской) правовой системы.

Законодатель посвящает протоколам следственных действий и судебного заседания немалословную и к тому же достаточно пространную формулировку: «Протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом» (ст. 183 УПК РФ). Представляется, что из всех законодательных дефиниций, посвященных отдельным видам доказательств, данное определение является наименее удачным. По сути, из него вытекает лишь одно четкое правило: протоколы следственных действий и судебного заседания могут являться доказательствами, только если при их формировании⁴ были учтены все соответствующие нормы уголовно-процессуального закона. Иными словами, законодатель как бы привязывает сущность данного вида доказательств исключительно к условию его допустимости. Но ведь данное условие предъявляется к любым доказательствам по уголовному делу. Оно и так вытекает из ч. 1 ст. 74, ст. 75 УПК РФ и еще целого ряда положений процессуального закона. В чем же заключается правовая ценность ст. 83 УПК РФ?

Вывод очевиден: ни в чем! Данная норма фактически просто дублирует общее уголовно-процессуальное правило о допустимости доказательств для частного случая – для протоколов следственных действий и судебного заседания, что, по нашему мнению, просто бессмысленно. К тому же содержащаяся в ст. 83 УПК РФ правовая дефиниция еще и размывает границы между устоявшимися в теории и практике уголовного процесса видами доказательств. Ее смысл вполне приемлем, например, для протокола допроса или очной ставки, которые, как известно, относятся к совершенно другому виду доказательств, – к показаниям. Ведь протоколированию подлежат любые поисково-познавательные действия органов предварительного расследования или суда, а не только те, которые по смыслу закона направлены

⁴ Термин «формирование доказательств» используется рядом авторов для обозначения процесса преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (см., например: *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск: Изд. БГУ им. В.И. Ленина, 1969. С. 163; *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. С. 33–34).

на формирование доказательств, подпадающих под действие ст. 83 УПК РФ.

В этой связи необходимо отметить, что существовавшая ранее ст. 87 УПК РСФСР содержала более полное и четкое определение, охватывавшее перечень соответствующих следственных и судебных действий: осмотр, освидетельствование, выемку, обыск, задержание, предъявление для опознания и следственный эксперимент. Такая же картина наблюдается и в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран СНГ, в частности Республики Беларусь, Казахстана и Армении.

Однако, на наш взгляд, допущенная в содержании ст. 83 УПК РФ законодательная некорректность гораздо серьезнее. Представляется, что она не может быть исправлена посредством возвращения к модели ст. 87 УПК РСФСР, т.е. простого перечисления следственных и судебных действий, порождающих соответствующие протоколы. Подобный законодательный шаг будет лишь технической полумерой, хотя и абсолютно правильной.

На самом же деле заложенная здесь ошибка имеет более глубокие корни и гораздо более длительную историю. Представляется, что она тянется неким шлейфом еще со времени формирования уголовно-процессуального законодательства РСФСР и, следовательно, является своеобразным наследием советской уголовно-процессуальной школы. Ее смысл заключается в нарушении логического единообразия применительно к различным видам доказательств. Иными словами, несмотря на единое, общее определение всех доказательств, подлежащих использованию в уголовном судопроизводстве, приведенное в ч. 1 ст. 74 УПК, законодатель в последующем сам нарушает данное единообразие, как бы смешивая, путая две гносеологические категории – форму и содержание.

В одном случае под доказательствами понимается именно содержание, т.е. сами сведения, имеющие значение для уголовного дела, – так как это определено в вышеупомянутой ч. 1 ст. 74 УПК РФ. К таковым, например, безусловно, относятся различные показания. В частности, ст. 76 УПК РФ прямо указывает, что показания подозреваемого – это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства. Аналогичным образом определены показания иных участников уголовного процесса: обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста.

Думается, что к таковым относятся также заключения эксперта и специалиста. И хотя закон

(ч.ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ), определяя данные виды доказательств, прямо не использует термин «сведения», тем не менее он там явно подразумевается. Поэтому заключение эксперта можно определить как представленные в письменном виде сведения, содержащие результаты исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. А заключение специалиста, в свою очередь, можно представить как представленные в письменном виде сведения, содержащие суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

В другом же случае под доказательствами законодатель понимает не сами сведения, а всего лишь предусмотренную законом процессуальную форму их фиксации. И наиболее ярким тому примером является использование в качестве средств доказывания протоколов следственных действий и судебного заседания.

Таким образом, нормы доказательственного права содержат в себе достаточно существенное логическое противоречие целого и части. Под доказательствами в целом законодатель понимает отдельные сведения, элементы информации (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), а в частном случае, применительно к протоколам следственных действий и судебного заседания, – не сами сведения, а всего лишь документальную форму их фиксации (п. 5 ч. 2 ст. 74, ст. 83 УПК РФ). Очевидно, что впервые данная ошибка была заложена в ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. Однако наибольшую актуальность она получила именно в новом УПК РФ, так как УПК РСФСР 1923 г. вообще не содержал определения доказательств, ограничиваясь исключительно их перечнем. А УПК РСФСР 1960 г., хотя и содержал такое определение, но, тем не менее, предполагал отнесение протоколов не к виду (как сейчас), а к источнику доказательств.

Решение же данной проблемы нам видится в несколько ином подходе законодателя и, соответственно, правоприменительной практики к сущности протоколов следственных действий и судебного заседания как средств доказывания по уголовному делу. Иными словами, мы считаем правильным приведение данного вида доказательств в соответствие с их базовым определением, регламентированным в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Как уже отмечалось выше, современное законодательство в общем понимает под доказательствами определенные сведения, обличенные в установленную законом процессуальную форму и относящиеся

по своему содержанию к обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу. Следовательно, сущность каждого отдельного вида доказательств должна основываться именно на таких сведениях, а не на форме их фиксации.

В этой связи возникает вопрос: какие сведения фиксируются в протоколах следственных действий и судебного заседания? Ответ на него весьма очевиден. В протоколах фиксируются сведения о ходе и, самое главное, о результатах проведенных дознавателем, следователем или в судебном заседании следственных или судебных действий. Как справедливо отмечают О.В. Волинская и Д.В. Шаров, в протоколах осмотра, обыска, выемки и др. описывается процесс и результат непосредственного изучения предметов и явлений материального мира, фиксируются сведения, имеющие значение для дела, наблюдаемые непосредственно (например, вещи, обнаруженные при осмотре места происшествия, при обыске у обвиняемого)⁵. Об этом же пишут Ю.К. Орлов, В.А. Лазарева и Л.Т. Ульянова, современные позиции которых о сущности рассматриваемого вида доказательств нами приводились выше.

С этими суждениями трудно не согласиться. Однако в них все же есть одно уязвимое место, о котором мы уже говорили выше. Дело в том, что другие виды доказательств также формируются в результате проведения следственных или иных процессуальных действий. В частности, на это прямо указывает ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Например, показания представляют собой результаты таких следственных действий, как допрос или очная ставка. Экспертное заключение формируется в результате проведения судебной экспертизы⁶. Даже вещественные доказательства или «иные»⁷

документы зачастую появляются в уголовном деле именно в результате следственного осмотра, обыска или выемки.

Большинство авторов, ранее касавшихся в своих работах данной проблематики, приводили перечень следственных действий, обуславливающий появление протоколов следственных действий и судебного заседания, основываясь на положениях ст. 87 УПК РСФСР. В него включали осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, предъявление для опознания, следственный эксперимент, а также задержание подозреваемого⁸. Таким образом, можно было утверждать, что в данном случае речь шла именно о сведениях, полученных в ходе производства названных следственных или судебных действий.

Однако с учетом того, что ныне действующий УПК РФ более такого перечня не содержит, немногочисленные современные ученые, работающие в этом направлении, почему-то заняли более осторожную позицию и стали уклоняться от прямого формулирования такого перечня. Так, например, Ю.К. Орлов пишет, что в протоколах следственных действий в контексте ст. 83 УПК РФ фиксируются ход и результаты таких следственных действий, как осмотр, освидетельствование, обыск, предъявление для опознания, следственный эксперимент и др. А особое место среди протоколов занимает протокол судебного заседания, в котором фиксируются все проводимые в суде действия (за исключением экспертного исследования, которое оформляется отдельным документом заключением эксперта)⁹. В ряде современных источников, в том числе в некоторых учебниках по уголовному процессу, вопрос об этом перечне не поднимается и вовсе¹⁰.

Подобный пробел, на наш взгляд, обусловлен, в первую очередь, отсутствием серьезного научного интереса к данной проблематике, что мы уже отмечали в других своих работах. И если ранее у специалистов имелось существенное легальное подспорье – ст. 87 УПК РСФСР, которая прямо

⁵ См. *Волинская О.В., Шаров Д.В.* Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М.: МосУ МВД России; Щит-М, 2009. С. 59.

⁶ В этой связи считаем необходимым отметить, что в науке существует неоднозначное отношение к судебной экспертизе как к следственному действию. Так, целая группа ученых, к которой относимся и мы, судебную экспертизу следственным действием как таковым не считают. Однако, несмотря на это, ее сущность все равно остается очень близкой к сущности следственных действий. Поэтому применительно к настоящему исследованию дискуссия о правовой природе судебной экспертизы не имеет актуальности и, следовательно, здесь затрагиваться не будет.

⁷ Здесь и далее применительно к доказательствам, предусмотренным ст. 84 УПК, термин «иные» нами будет браться в кавычки. Таким образом, мы подчеркнем, что он является именно названием вида доказательства, а не используется в значении «другие».

⁸ См., например: *Теория доказательств в советском уголовном процессе* / отв. ред. Н.В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. С. 675; *Курс советского уголовного процесса* / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. С. 602; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: ВГУ, 1995. С. 216 и т.д.

⁹ См.: *Орлов Ю.К.* Указ. соч. С. 161.

¹⁰ См., например: *Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов* / под ред. К.Ф. Гүценко. М.: Зерцало, 2005. С. 245–246.

предусматривала подобный перечень, – то ныне действующий закон от этого отказался.

Правда, некоторые авторы в своих трудах, в частности в учебной литературе, говоря о перечне следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ, пытаются сохранить преемственность по отношению к уже упомянутой ст. 87 УПК РСФСР и перечисляют их, как это было сделано там¹¹. Но такая позиция нам представляется несостоятельной и даже ошибочной. Ведь предусмотренная новым уголовно-процессуальным законом система следственных и судебных действий существенно отличается от существовавшей ранее. В УПК РФ появились принципиально новые способы собирания и проверки доказательств, такие как проверка показаний на месте (ст. 194), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186¹). Кроме того, нынешний процессуальный закон, наконец, императивно прекратил многолетнюю научную дискуссию о природе задержания подозреваемого, совершенно справедливо отнеся его не к следственным действиям, а к мерам принуждения¹².

¹¹ См. например: Уголовный процесс: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. С. 136–137; Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакипина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 345

¹² Так, некоторые ученые считали задержание неотложным следственным действием (см., например: Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1972. С. 44; Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1999. С. 665 и т.д.). Правда, позднее тем же С.А. Шейфером выдвигалась точка зрения, что задержание подозреваемого – это следственное действие, обладающее определенной спецификой, так как, застигав лицо в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения, следователь (сотрудник органа дознания) фактически становится свидетелем по делу. Поэтому, составив протокол задержания подозреваемого, он должен устраниваться от дальнейшего расследования (см.: Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит., 1981. С. 28). Другие специалисты придерживались противоположной точки зрения и рассматривали задержание исключительно как меру принуждения (см., например: Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнФОР, 1999. С. 66–68). В связи с тем, что законодатель теперь прямо относит задержание подозреваемого к мерам принуждения, упомянутая дискуссия потеряла всякий смысл. Однако попутно заметим, что в настоящее время все же сохранились ее отдельные отголоски. В частности, форма фиксации решения о задержании подозреваемого по-прежнему – протокол, а не постановление, как во всех остальных случаях принятия процессуальных решений органами дознания и предварительного следствия.

Более того, определение сущности рассматриваемого вида доказательств через их перечень имеет и еще один существенный недостаток, который, к сожалению, не учитывался и ранее, во времена действия УПК РСФСР. Он заключается в том, что некоторые следственные действия, на наш взгляд, имеют двойственную познавательную природу; они способны обуславливать формирование не одного, а двух различных видов доказательств. Наглядным примером такого следственного действия может служить предъявление для опознания, результаты которого специалисты традиционно относили и продолжают относить к сфере действия ст. 83 УПК РФ (ст. 87 УПК РСФСР). Однако по своей сути предъявление для опознания наряду с этим одновременно направлено и на получение специфических показаний, заключающихся в пояснении опознающим лицом обстоятельств, при которых он наблюдал опознаваемый объект, и признаков, по которым было проведено опознание. Кстати, этот факт прямо подтверждает обязанность следователя (дознателя) или председательствующего в судебном заседании перед опознанием предупредить опознающего свидетеля или потерпевшего об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний.

Данная проблема представляет весьма актуальной и требующей самостоятельного исследования. И чтобы не уходить от предмета настоящей статьи, мы вернемся к ее более подробному рассмотрению в последующем.

Итак, в настоящее время назрела необходимость определения какого-то единого критерия, позволяющего правильно уяснить сущность доказательств, подпадающих под действие ст. 83 УПК РФ, и отграничить от других средств установления истины: от показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств и т.д.

Кстати, науке уголовного процесса уже известны некоторые предложения по формулированию таких критериев. В частности, авторы коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» в качестве критериев для выделения протоколов в отдельную группу доказательств предлагали следующие: а) они должны содержать результаты непосредственного наблюдения явлений, материальной обстановки, следов; б) протоколы фиксируют помимо результатов и саму деятельность лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда – условия

и ход следственного (судебного) действия; в) составление протокола носит процессуальный характер¹³.

Однако представляется, что подобный подход весьма уязвим. Так, во-первых, в современной судебной и особенно следственной практике встречаются случаи, когда непосредственного наблюдения дознаватель, следователь или суд не осуществляют, например, при контроле и записи переговоров, при получении информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами. Во-вторых, на наш взгляд, сама деятельность дознавателя, следователя или суда фиксируется в протоколе следственного действия лишь в контексте получения определенного познавательного результата. В противном случае эти факты, даже если и подлежат занесению в протокол, то к доказыванию не имеют никакого отношения и, следовательно, не могут рассматриваться как критерии формирования отдельного вида доказательств. Примером тому может послужить использование следователем в ходе обыска технического средства для вскрытия запертой двери, если владелец помещения отказывается открыть ее добровольно (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). Безусловно, что подобный факт должен быть отражен в соответствующем протоколе. Однако он не имеет никакого отношения к тем объектам, которые возможно будут обнаружены за дверью; если они действительно там, то факт их обнаружения не может быть поставлен в зависимость от способа проникновения в запертое помещение. Если же поведение хозяина будет иметь значение для уголовного дела, то в этом случае оно, безусловно, должно быть расценено как определенный доказательственный результат. Ну и, наконец, в-третьих, процессуальный характер присущ любым протоколам любых следственных действий (судебного заседания), а не только тем, которые подпадают под смысл ст. 83 УПК РФ.

Достаточно интересная позиция относительно сущности протоколов следственных действий и судебного заседания высказывается В.А. Лазаревой. Она пишет, что эти следственные действия отличаются от допроса своей принципиальной неповторимостью, в силу чего составление протокола, в котором орган расследования фиксирует результаты своего личного наблюдения, является единственным средством, позволяющим

сохранить эти результаты для суда¹⁴. Подобный подход действительно не лишен своего права на существование. Однако он применим не ко всем, а лишь к части рассматриваемых следственных или судебных действий. Ведь, например, осмотр приобщенного к уголовному делу документа или вещественного доказательства при необходимости может быть воспроизведен неоднократно.

Таким образом, не опровергая вышеперечисленных позиций, высказанных по поводу сущности следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ, будем расценивать их как частные варианты решения данной проблемы вместе с тем не могущие претендовать на роль единого критерия.

В этой связи позволим себе высказать предположение, что на самом деле таким единым критерием, обуславливающим появление уголовно-процессуальных доказательств, подпадающих под действие ст. 83 УПК РФ, является невербальный способ их формирования.

И действительно: любое подобное доказательство основано на проведении соответствующего невербального следственного или судебного действия. То есть в его основе лежат не методы расспроса (диалога), кои присущи, например, допросу или очной ставке, а другие способы получения доказательственной информации. Так, при осмотре или освидетельствовании – это, в первую очередь, наблюдение, о котором, кстати, писали авторы вышеупомянутой «Теории доказательств в советском уголовном процессе». При обыске – это наблюдение в совокупности с определенными мануальными элементами (открыванием шкафов, ящиков, хранилищ, обнаружением тайников и пр.). При контроле и записи переговоров – это запись и дальнейшее прослушивание звуковой информации, сформированной без вербального участия в разговоре дознавателя, следователя или судьи.

И, таким образом, теперь мы можем более четко и конкретно ответить на поставленный нами выше вопрос: какие сведения фиксируются в протоколах следственных действий и судебного заседания, предусмотренных ст. 83 УПК РФ? В протоколах следственных действий и судебного заседания, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, фиксируются сведения о результатах невербальных следственных или судебных действий.

Теперь пришло время вспомнить, что все выше-рассмотренное явилось следствием необходимо-

¹³ См.: Теория доказательств в советском уголовном процессе... С. 674.

¹⁴ См.: Лазарева В.А. Указ. соч. С. 325.

сти определения иного подхода законодателя и, соответственно, правоприменительной практики к сущности протоколов следственных действий и судебного заседания как средств доказывания по уголовному делу – приведения данного вида доказательств в соответствие с их базовым определением, регламентированным в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Иными словами, как мы уже отмечали выше, под доказательствами должны пониматься определенные сведения, а не процессуальные акты их фиксации. Поэтому полагаем, что доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, впредь следует именовать не протоколами следственных действий и судебного заседания, а результатами невербальных следственных и судебных действий¹⁵.

Таким образом, результаты невербальных следственных и судебных действий – это имеющие значение для уголовного дела сведения, полученные дознавателем, следователем или судом в ходе следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента и других невербальных следственных и судебных действий и отраженные в соответствующем протоколе в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Сконструировав подобное определение результатов невербальных следственных и судебных действий, возможно, было бы весьма логичным сразу предложить внести соответствующие изменения в текст процессуального закона, а именно в п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ. Такими предложениями в последнее время изобилуют многочисленные диссертационные и иные исследования. Но в вопросах изменения законодательства мы придерживаемся более консервативных позиций.

Мы полагаем, что прежде чем вносить очередные поправки в постоянно редактируемый текст УПК РФ, необходимо вначале апробировать дан-

ную концепцию на практике. Это, например, можно сделать посредством соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда или издания соответствующего комментария к УПК РФ.

Библиографический список

1. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. М.: Мегатрон-XXI, 2000.
2. *Вольнская О.В., Шаров Д.В.* Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М.: МосУ МВД России; Щит-М, 2009.
3. *Григорьев В.Н.* Задержание подозреваемого. М.: ЮрИнфор, 1999.
4. *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж: ВГУ, 1995.
5. Криминалистика: учебник / под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999.
6. Курс советского уголовного процесса / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989.
7. *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии Минск: Изд. БГУ им. В.И. Ленина, 1969.
8. *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе: учебно-практич. пособие. М.: Высшее образование, 2009.
9. *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристь, 2009.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973.
11. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуденко. М.: Зерцало, 2005.
12. Уголовный процесс: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003.
13. Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. М.: Волтерс Клувер, 2011.
14. *Ульянова Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России: учебное пособие. М.: Городец, 2008.
15. *Шейфер С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1972.
16. *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрид. лит., 1981.
17. *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.

¹⁵ Кстати в этом случае устраняется и законодательная неточность, допущенная при формулировании взаимосвязанных положений п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ в части судебных действий. Поскольку, как уже отмечалось выше, отдельных протоколов судебных действий законодатель не предусматривает – все они фиксируются общим, единым протоколом судебного заседания. А вот результат у каждого судебного действия – именно свой, индивидуальный.